

ХЕРСОНЕССКИЙ ДЕКРЕТ О «НЕСЕНИИ ДИОНИСА» IOSPE I² 343 И ВТОРЖЕНИЕ САРМАТОВ В СКИФИЮ

Одной из кардинальных проблем, занимающих умы отечественных антиковедов в последние два десятилетия, стал вопрос о времени и причинах гибели Великой Скифии и неразрывно связанном с этим событием обезлюдении хоры греческих государств эллинистического Северного Причерноморья. На долгие годы в науке незыблемо утвердилась концепция М.И. Ростовцева, который, отталкиваясь от наметочных гипотез предшественников¹ и опираясь главным образом на единственное практически свидетельство Диодора (II. 43. 7), подкрепляемое им археологическими памятниками, назвала виновниками вытеснения скифов из южнорусских степей – их родовой зоны обитания – в Крым сарматские племена, перешедшие в конце IV или начале III в. до н.э. Дон и вторгшиеся в Скифию².

Для того, чтобы оценить прочность источниковой базы работ выдающегося русского ученого, стоит привести заметку Диодора *in extenso*. Закончив рассказ о возвышении скифов (II. 43. 1–6), историк сообщает буквально следующее (II. 43. 7): τούτους δ' ὕστερον πολλοῖς ἔτεσιν αὐξηθέντας πορῆσαι πολλὴν τῆς Σκυθίας, καὶ τοὺς καταπολεμηθέντας ἄρδην ἀναίρουντας ἔρεμον ποιῆσαι τὸ πλεῖστον μέρος τῆς χώρας – «они же [сарматы], возвысившись много лет спустя, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя покоренных во время войны, превратили большую часть страны в пустыню».

Выдвигаемые в последнее время аргументы критиков Ростовцева сводятся к следующим двум основным положениям. Во-первых, свидетельство Диодора точно не датировано, а посему недостоверно, а коль скоро оно помещено в архаико-мифологическую II книгу его труда, то и оно-де заслуживает наименования «легендарного, мифического». При этом, естественно, даже не ставится вопрос о том, не мог ли сицилийский историк, излагающий и в данной, и в последующих книгах реальные события погодно, сделать здесь конкретную историческую вставку в весьма приблизительно представляемую им картину древнейшей истории Вавилона, Египта, Мидии, Индии, Аравии, Скифии, амазонок и гипербореев. Во-вторых, – и это главное – «сарматская» концепция не подкрепляется пока ни одним археологическим памятником в степном междуречье Дона и Днестра: первые погребения сарматов появляются в этом обширном регионе во всяком случае не ранее середины II в. до н.э., реальнее же с Митридатовой эпохи³. В поисках иного, нетривиального объяснения феномена гибели

¹ Исчерпывающий обзор историографии вопроса см. в кн.: *Полин С.В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 7–33.

² *Ростовцев М.И.* Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. XXXII. С. 60 сл.; *он же.* Сириск – историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. Апр. С. 157 сл.; *он же.* Эллинизм и иранство на Юге России. Пг., 1918. С. 43, 127 сл.; *idem.* Επιφάνεια // Klio. 1919–1920. 16. S. 203–206; *idem.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 85, 139; *idem.* Skythien und der Bosphorus. Bd I. В., 1931. S. 405, 605. Гипотезы его предшественников (В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, П.И. Шафарик, И.Е. Забелин, В.В. Латышев и др.) и развитие идеи его последователями (Ю.В. Готье, Б.Н. Граков, Д.А. Мачинский, П.О. Карышковский, А.Н. Щеглов, К.Ф. Смирнов и др.) изложены Полиным. Из последних см. *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984; *Щеглов А.Н.* О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 190–198; *Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. I. М., 1990. С. 361 сл.; *Марченко К.К.* Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. № 2. С. 70–80.

³ Наиболее детальное изложение эта критика обрела в кн.: *Полин. Ук. соч.* С. 96–98; ср. *Симоненко А.В.* Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 104. Подобные методы обращения с археологическими и письменными источниками в угоду предвзятой концепции отметил И.В. Брузяко в рец. на кн. Полина (РА. 1995. № 1. С. 230–237). От себя могу лишь добавить, что выдвигаемый оппонентами «археологический» аргумент

Великой Скифии и хоры полисов были выдвинуты три новых концепции. Согласно первой, виновниками вытеснения скифов и натиска на хору греческих государств, по крайней мере, Северо-Западного Причерноморья явились галаты, основавшие в 279 г. на Левом Понте царство с центром в Тиле⁴, или же родственные им бастарны, бриттолаги и др. Согласно второй, объяснение предлагается искать не в военно-политической, а в экологической сфере – в почти сиюминутном, т.е. происшедшем за немногие десятилетия резком изменении климата, повлекшем за собой аридизацию степной зоны и как ее следствие – уход скифов с исконной территории их обитания и оставление греками аграрной базы их государств⁵. Наконец, приверженцы третьей концепции ищут объяснения в экономической сфере: в утрате рентабельности агрикультурой эллинских государств Северного Понта, проигравшей в конкурентной борьбе экспорту дешевых масс египетского хлеба.

Итак, согласно первой версии, выдвинутой в противовес «сарматской», феномен запустения Скифии и хоры греческих полисов Северо-Западного Причерноморья следует объяснять опустошительными рейдами галатских военных отрядов из района Балкано-Карпато-Дунайского бассейна, предпринятых в союзе с германским племенем скиров, упоминаемых Протогеновским декретом⁶. Наиболее уязвимая сторона такой трактовки – узколокальный подход к пониманию процессов, охвативших одновременно весь обширный Северопонтийский регион, как, впрочем, и игнорирование политики галатов на Балканах на раннем этапе существования их царства с центром в Тиле. Насильственная гибель укрепленных и неукрепленных эллинских и варварских поселений дельты Дона, Европейского Боспора, Северо-Западного Крыма, Нижнего Поднепровья и округа Ольвии в 70–60-х годах III в.⁷ создает впечатление одновременно проведенной масштабной военной акции, которая ввиду обширности территории

падает (в который уже раз !) под натиском непредвзятого анализа нарративных источников. Полибий (XXXV. 2), перечисляя гарантов мирного договора с Фарнаком, однозначно противопоставляет правившего в Европе сармата Гатала царившим в Азии династам Артаксию и Акусилоху (ср. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1966. С. 77–82). Как известно, по представлениям эллинистических (а не раннеионийских) географов, граница между Европой и Азией пролегла по Танаису, а договор был заключен в 179 г. до н.э. – до появления первых археологических следов сарматов в европейском Задонье. Не спасает положения и апелляция Полина (ук. соч., с. 93 сл.) к критике Страбоном (II. 4.5) представлений Полибия о Танаисе как якобы текущем с востока: если Полибий в одном месте (X. 48. 1) и допустил смешение двух разных Танаисов – Дона и Сырдарьи (ср. *Куклина И.В.* Этногеография Скифии. Л., 1985. С. 151), то в аутентичной теоретической части своего труда (III. 37. 4) он, очертив пределы Азии течением Танаиса и Нила, пишет только, что «Азия... приходится на часть света между летним восходом солнца и югом», ни словом не обмолвившись об истоках Танаиса на востоке. Да и сама критика Страбона («все, кто знаком с этими областями, утверждают, что Танаис течет с севера в Меотийское озеро») не оставляет сомнения в его убежденности, что Полибий, подобно ему самому, имел в виду одну и ту же пограничную реку – Дон, а не Кубань (Полин) или Сырдарью (Куклина). По всей видимости, Полибиеву эллинистическому источнику было знакомо лишь нижнее течение Дона-Танаиса, которое после схождения с Волгой действительно резко поворачивает на запад с легким уклоном к югу. Ежели бы Страбон понял Полибия так, как пытаются истолковать его современные экзегеты, то и сам спор оказался бы беспредметным.

⁴ Из последних работ об этом царстве см. *Лазаров Л.* О кельтском государстве с центром в Тиле при Каваре // ВДИ. 1996. № 1. С. 114–123.

⁵ Автором этой оригинальной концепции выступил тот же Полин (ук. соч., с. 102 сл.).

⁶ См., например: *Рубан В.В.* Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–III вв. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 43 сл.; *он же.* Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989. С. 19; *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. I. М., 1990. С. 274 сл.

⁷ См., например: *Щеглов.* Ук. соч. С. 192; *он же.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 128; *Доманский Я.В., Марченко К.К.* Поселение Ольвийской хоры Козырка II // АСГЭ. 1980. 21. С. 38; *Масленников А.А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Симферополь, 1988. С. 207; *Марченко К.К.* Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1. С. 137.

и внушительности расстояния вряд ли была под силу кельтам или германцам Прикарпатья и Балкан⁸.

С другой стороны, наш основной источник Полибий (IV. 45. 10; 46. 1–4) определенно свидетельствует о том, что на первых порах после образования Галатского царства с центром в Тиле в 279 г. кельты Комонтория были всецело поглощены подчинением фракийцев и терроризированием Византия, у которого они вымогали возрастающую в геометрической прогрессии подать⁹. Единственный источник – Протогеновский декрет – сообщает (на стороне В) о намечавшемся (неизвестно, состоявшемся ли) нашествии галатов в союзе со скирами на Ольвию в ряду синхронных событий, которые, безусловно, должны были быть близки времени как распада царства Кавара (ок. 213 г.), так и издания самой псефизмы, определяемому теперь двумя предпоследними десятилетиями III в.¹⁰ Таким образом, этот планировавшийся варварами набег никак не может служить подтверждением догадки об уничтожении кельтами Великой Скифии или о последовавшем затем разрушении ими аграрной базы греческих государств Северного Понта. Следует также заметить, что упоминание в Протогеновском декрете (сторона А) скорее всего сарматского, а не скифского племени саиев под водительством псевдопротектора Ольвии Саитафарна¹¹ хронологически все же намного предшествует изложению на стороне В замысла скиро-галатской агрессии.

Если же вслед за рядом исследователей¹² предполагать, что галатами знаменитой ольвийской псефизмы были осевшие в низовьях Истра бритологи, будто бы упомянутые анонимно во главе с их царем Ремаксом истрийским декретом в честь Агафокла ISM I, 15, то опять же не стоит закрывать глаза на то, что вождь этот проявил себя отнюдь не агрессором, но напротив, протектором полисов Добруджи от набегов фракийцев Золта, причем не позже рубежа III–II вв. (по датировке документа первоиздателями), т.е. именно в то время, когда на правобережье Дуная уже сложилось царство будущих сюзеренов этих полисов – Малая Скифия, упомянутая, кстати, в строке 16 той же истрийской псефизмы¹³. В любом случае, у нас нет решительно никаких оснований взваливать вину за разрушение ольвийской и тирасской хоры во второй четверти – середине III в. на галатов из Тилы или галлов-бритологов.

Что касается второй концепции, прямо связывающей серьезное ухудшение греко-варварских отношений в Северном Причерноморье с повсеместным усыханием степной зоны этого региона¹⁴, то у нее обнаруживаются еще более серьезные изъяны. Судя по отдельным косвенным данным, какие-то незначительные изменения климата могли иметь место в эллинистическую эпоху, однако пока еще так и не достигнуто

⁸ М. Домарадски (Кельты на Балканский полуостров. София, 1984. С. 83, 88) не без основания полагает, что существование ряда сильных в военно-политическом отношении фракийских правителей в III в. исключает возможность создания мощной Кельтской державы, способной подчинить себе всю Восточную Фракию. Роль галатов сводилась к эпизодическому контролю и грабительским набегам на близлежащие греческие города и соседние фракийские княжества.

⁹ Ср. *Strobel K. Die Galater im hellenistischen Kleinasien: Historische Aspekte einer keltischen Staatenbildung // Hellenistische Studien. Gedenkschrift Bengtson. München, 1991. S. 115 f.*

¹⁰ *Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 182. Прим. 16; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 71.*

¹¹ Ср. *Vinogradov Ju.G. Zur Klassifizierung der griechisch-barbarischen Abhängigkeitsverhältnisse der vorgömischen Zeit im pontischen Raum (im Druck).*

¹² *Карышковский П.О. История и ее соседи на рубеже III–II вв. до н.э. // ВДИ. 1971. № 2. С. 54 сл.; Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 72. Прим. *.*

¹³ См. *Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. Запорожье, 1995. С. 147–161.*

¹⁴ *Иевлев М.М. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Запорожье, 1989; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешико В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 96 сл.*

яности по поводу их временной точки отсчета¹⁵. Однако, как бы ни определять время наступления кардинальных перемен в экологии, нельзя не учесть того факта, что подобные феномены вплоть до достижения кульминационного пункта проходили неизбежно длительный, многовековой период своей аккумуляции. В известной мере протяженными по времени должны были стать накопление и реализация деструктивного природного потенциала, порожденного усыханием степной зоны Северного Причерноморья. При всем том накопленные к настоящему моменту весьма обильные, разнохарактерные и красноречивые археологические данные свидетельствуют о противоположном – не о перманентной, но практически моментальной гибели большинства эллинистических и варварских поселений во всем обширном регионе. Не менее диагностичен и тот факт, что как раз в преддверии описываемого феномена – в первой трети III в. – жизнедеятельность хоры греческих государств и их сельскохозяйственного туземного окружения переживает период небывалого подъема, что приходит в очевидное противоречие с выдвинутой концепцией быстротечной экологической катастрофы.

Наконец, четвертая, экономическая концепция, сферу приложения которой ее автор С.А. Жебелёв¹⁶ сам ограничивал исключительно Боспором и которая лишь в последнее время была распространена на прочие северопонтийские полисы¹⁷, объясняет упадок земледелия и соответственно хоры греческих государств Северного Понта мощной конкуренцией со стороны огромных масс дешевого египетского зерна на хлебных рынках Средиземноморья и Причерноморья. Главное уязвимое место данной концепции заключается в том, что она как возникла, так и остается сугубо презумптивной¹⁸: до сих пор ее приверженцами не приведено ни единого свидетельства о целенаправленной государственно-торговой политике протекционизма или конкуренции¹⁹, не выявлено пока ни одного показания источников об относительной дороговизне понтийского хлеба по сравнению с египетским, никем не опровергнут базирующийся на множестве эпиграфических документов главный тезис Ростовцева²⁰ – о превышении в эллинистической зерновой торговле спроса над предложением, т.е. о перманентном дефиците основного продукта питания, приводившего к частым вспышкам голода по всей греческой ойкумене, что в такой ситуации делало любого хлебного экспортера желанным гостем в каждом нуждавшемся полисе. Гораздо более твердую почву имеет под собой попытка объяснить сокращение масштабов хлебного экспорта из Северного Причерноморья в III в. тем обстоятельством, что именно в это время в результате опустошения сарматами Скифии греческие государства региона теряют одного из самых щедрых поставщиков товарного зерна²¹.

¹⁵ Убедительные контраргументы представил И.В. Бруяко в рецензии на книгу Полина (РА. 1995. № 1. С. 236).

¹⁶ СР. С. 84 сл., 147 сл. Эта презумпция обрела себе солидное число сторонников: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 76–78; *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 135–137; *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 10; *он же.* Пантикапей. М., 1964. С. 101–104; *Шургай И.Г.* Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1973. 138. С. 51–59; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 163 сл.

¹⁷ *Сапрыкин С.Ю.* Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI–II вв. до н.э.: государственная политика или частная инициатива // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 129, 135–142.

¹⁸ Фундаментальная деструктивная критика этой теории развернута в замечательной работе М.К. Трофимовой: Из истории эллинистической экономики // ВДИ. 1961. № 2. С. 46–68.

¹⁹ Ср. *Виноградов Ю.Г.* Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. С. 27.

²⁰ *Rostovtzeff M.* Greek Sightseers in Egypt // JEA. 1928. XIV. P. 13–15; *он же.* Перисад II Боспорский и Птолемей II Филадельф // Сб. ст., посвященный П.Н. Милюкову. Прага, 1929. С. 114 сл.

²¹ *Брашинский И.Б.* Черноморская торговля в эпоху эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 199–206.

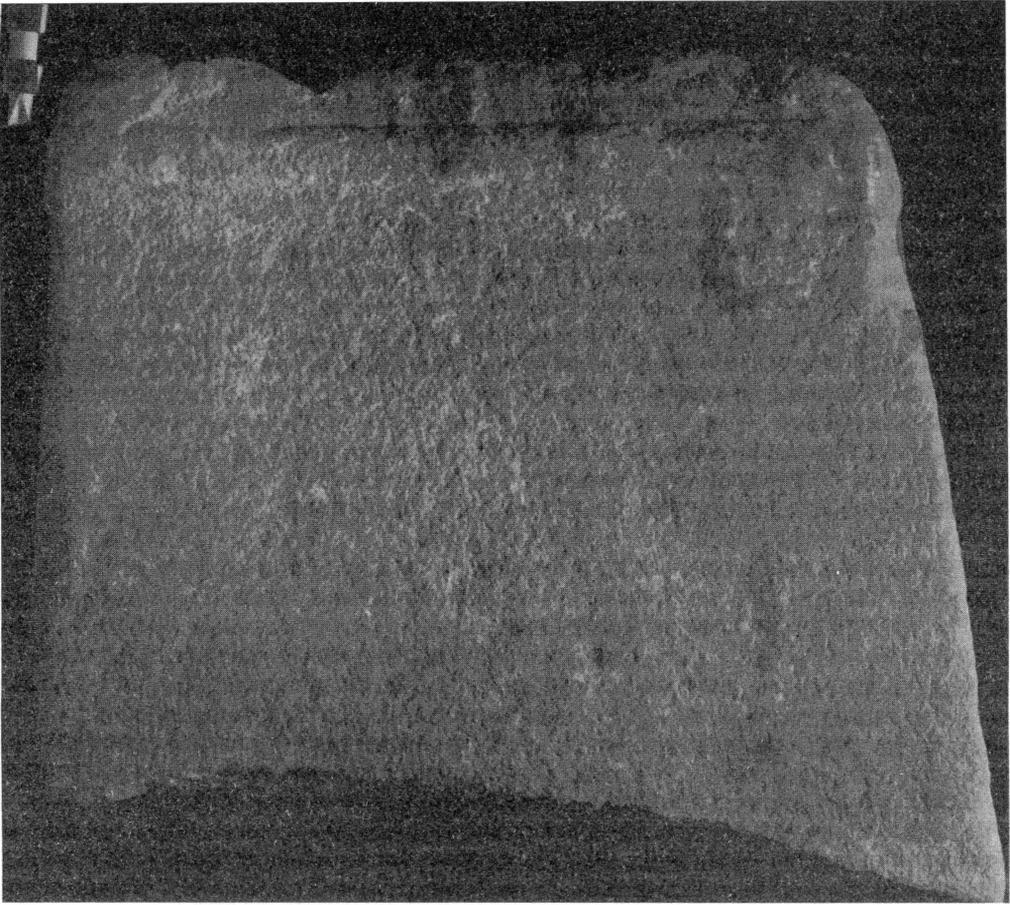

Рис. 1. Современное состояние стелы с надписью IOSPE I² 343

Резюмируя, необходимо отметить главный уязвимый момент всех оппонентов: их аргументация строится почти исключительно на логических посылах, в лучшем случае иллюстрируемых косвенными показаниями археологии при согласном молчании документальных эпиграфических источников, что, впрочем, в известной мере можно поставить в упрек и «сарматской» концепции Ростовцева. Между тем такой дезидератный документ по иронии судьбы ожидал своего часа выступить в роли решающего аргумента в дискуссии вот уже почти столетие в силу того, что не все его потенциальные возможности в свое время были реализованы издателями и интерпретаторами.

Речь пойдет об эллинистическом декрете, случайно обнаруженном в куче камней в Херсонесе в феврале 1906 г.²² и незамедлительно изданном, а затем дважды переизданном на основании эстампажа В.В. Латышевым, датировавшим его по палеографии III в. до н.э., причем скорее последними, чем первыми его десятилетиями²³. Фрагмент

²² Архив ГХМ. Д. № 35: *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Археологические расследования Херсонесского городища и некрополя 1906 г. Опись находок. Л. 2. № 285: «на берегу моря между зданием музея и минной станцией».

²³ Ed. гринс.: *Латышев В.В.* // ИАК. 1906. 18. С. 114. № 23; он же. К вопросу о культе богини Девы в

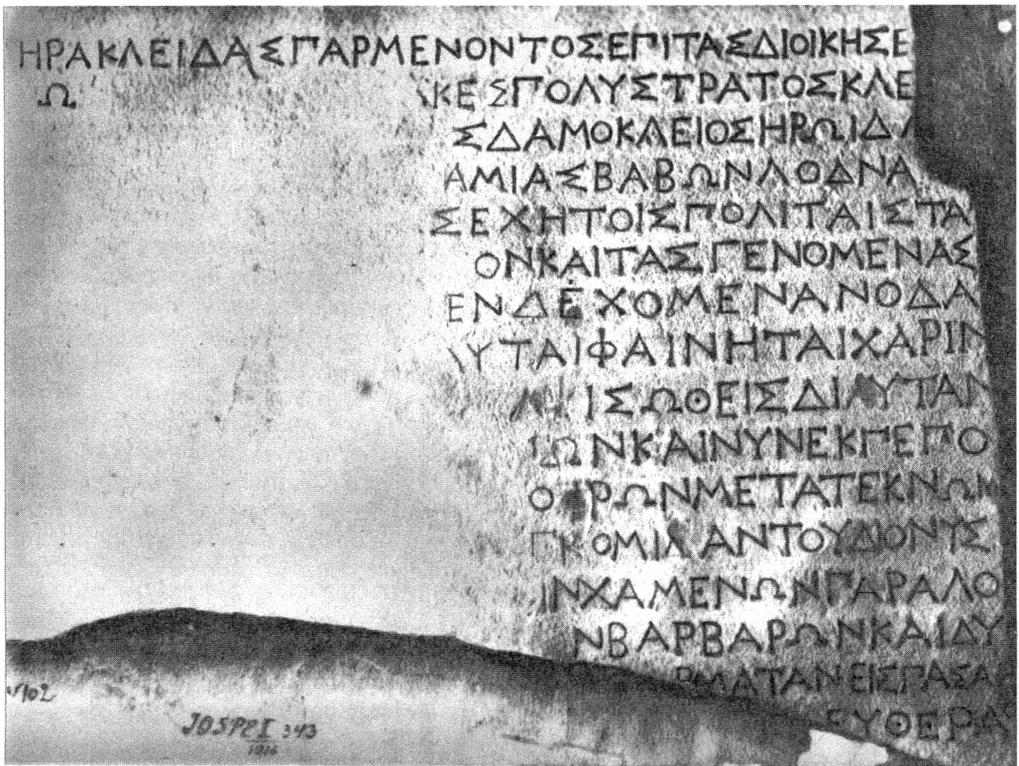

Рис. 2. Эстампаж с надписи IOSPE 1² 343

украшенной фронтоном мраморной стелы с надписью имеет размеры: шир. 0,29 (вверху) – 0,31 (внизу), выс. 0,31, толщ. 0,06–0,08 м. Сохранившиеся 17 строк аккуратно вырезанной надписи (выс. букв 0,01, расстояние между строк 0,005 м) в левой части плиты не были «совершенно изглажены дождями», как полагал Латышев, но погибли по причине отслаивания поверхности мрамора, которое из-за поздно предпринятых реставрационных мер значительно прогрессировало вправо по сравнению с годом находки (рис. 1). К счастью, в Архиве ГХМ (№ 285) сохранился снятый еще Косцюшко-Валюжиничем эстампаж (рис. 2). Несмотря на странную привычку раскопщика Херсонеса продавливать карандашом по еще сырой бумаге видевишиеся ему буквы²⁴ эстампаж представляет собой ценнейшее документальное свидетельство, позволяющее в неподрисованных карандашом местах разобрать ряд букв, не замеченных издателем, и тем самым значительно откорректировать его чтение, которое прежде всего имеет смысл привести целиком в его последней версии:

Херсонесе Таврическом // Сб. ст. в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1913 (1914). С. 206–211; IOSPE 1² 343. P. 287 sq., cf. p. 291. Текст документа с отдельными коррективами воспроизвели: Ростовцев. Сирииск... С. 155 сл.; *idem*. Ἐπιφάνεια. S. 204 f. (сткк. 5–11); Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 99. Прим. 1; перевод: Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 12. № 3. Рис. 3 (фото с эстампажа). Латышевская датировка надписи была принята всеми последующими исследователями: Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 517; Ростовцев. Сирииск... С. 153; Толстой. Ук. соч. С. 98. Прим. 3.

²⁴ Ср. Виноградов Ю.Г. // ВДИ. 1992. № 3. С. 136. Плоды подобной обработки эстампажа наглядно видны по стк. 4 – ΛΟΔΝΑ вм. ΑΘΑΝΑ, стк. 13 – ΙΝΧΑΜΕΝΩΝ вм. ποτὶ πρᾶξιόνων (Лат.).

- Ἡρακλείδας Παρμένοντος ἐπὶ τὰς διοικήσε[ος]
 [ἐ]ὼν [καὶ νομοφύλα]κες Πολύστρατος Κλε. .
 ς Δαμοκλείος Ἡράδ[ας]
 [τοῦ δεῦνος καὶ τ]αμίας Βάβων Ἀθανα[ίου]
 5 [εἶπαν· ὅπως ἂν καλῶ]ς ἔχη τοῖς πολίταις τὰ
 [περὶ τὰν θεὰν Παρθέν]ον καὶ τὰς γενομένας
 [δι' αὐτὰν σωτηρίας] ἐνδεχομέναν ὁ δ᾽ ἄ-
 [μος ὁ Χερσονασιτᾶν ἀ]ὐτᾶι φαίνεται χάριν
 [ἀποδιδούς,] σωθεῖς δι' [α]ὐτὰν
 10 [ἐκ τῶν μεγίστων κινδύν]ων, καὶ νῦν ἐκπεπο-
 [ρευμένων τῶν οἰκητ]όρων μετὰ τέκνων
 [καὶ γυναικῶν ἐπὶ τὰν] κομιδᾶν τοῦ Διουσί-
 [ου καὶ ἔφοδον δεινὰν πο]λησαμένων παραλό-
 [γως τῶν παροικούντω]ν βαρβάρων καὶ δύ-
 15 [.]μα τὰν εἰς πάσα-
 [ν] ἐλε[υθέρ]α
 [ν]

Латышев дал следующий перевод документа: «Ираклид, сын Парменонта, стоящий во главе управления, и номофилаки Полистрат, сын Кле., (такой-то), сын Дамокла, Ирод, (сын такого-то) и казначей Бабон, сын Атанея [предложили: чтобы хорошо] было устроено у граждан служение [богине Деве] и явился воздающим ей подобающую благодарность за оказанную [помощь] на[род Херсонесский...], спасенный через нее [от величайших опасностей], и ныне, когда отпра[вились жители] с детьми [и женами на] несение Диониса [а ... и набег со]вершили неожиданно [соседние] варвары...»²⁵.

Воспроизведший целиком текст надписи Ростовцев²⁶ предложил дополнить в стк. 7 [δι' αὐτὰν βοηθείας²⁷ (или σωτηρίας)] и в стк. 9 вполне резонно вслед за Латышевым – [πρότερον τε]. Его перевод, кардинально не меняющий смысла, тем не менее разительно отличается от перевода первоиздателя: «Ввиду того, чтобы граждане исполнили как следует свой долг по отношению к богине Деве и чтобы народ херсонесцев воздал должную благодарность за полученное от нее спасение, народ, который и раньше не раз спасен был ею от величайших опасностей, и теперь, когда жители вышли (из города) с детьми и женами, сопровождая Диониса, а соседние варвары совершили внезапно страшный набег...»²⁸.

Прежде чем перейти к разбору отдельных клаузул мотивировки, следует уточнить на основании палеографии, а главное – представленной в расширенном варианте просопографии датировку данного документа, что крайне важно для того, чтобы вписать его в узкие конкретные исторические рамки.

Шрифт надписи принадлежит в целом периоду, переходному от позднеклассического к раннеэллинистическому. Перекладина *альфы* не имеет ни малейшего намека на прогиб; полукружия *беты*, как и *ро*, весьма объемные; *тета* с точкой подобно *омикрону* и *омега* вписана в габариты строки; длинные усики *каппы* составляют прямой угол; крайние гасы *мю* достаточно широко расставлены; *ню* приподымает правый уголок, но уже не выносит правую вертикаль над строкой; горизонталь *пи* едва выдвигается за пределы правой гасы; не параллельные крайние гасы *сигмы* иногда

²⁵ Дословно процитировано Соломоник (ук. соч., с. 12).

²⁶ Ростовцев. Сириск... С. 156; в стк. 6 по недосмотру пропущено καί.

²⁷ Впервые предложено с сомнением самим Латышевым (К вопросу о культе... С. 209).

²⁸ Имеет смысл воспроизвести и оригинальный перевод И.И. Толстого (ук. соч., с. 99): «Дабы хорошо обстояло у граждан то, что касается их отношений к богине Деве, и дабы, за происшедшее благодаря ей спасение, народ херсонеситов оказывался воздающим ей возможную благодарность, и в древности спасенный благодаря ей из величайших опасностей, и ныне, когда отправились жители, вместе с детьми и женами, на перевезение Диониса и когда страшный набег совершили внезапно соседние варвары и...».

раздвинуты под довольно значительным углом (сткк. 1, 6, 12), в других случаях уплощены; не выгибающиеся усики *ипсилона* в некоторых случаях (сткк. 2, 9, 12, 14) составляют с ножкой подобие ортоподного трискелия; слегка уплощенная окружность *фи* довольно объемна; полукружие также объемной *омеги* иногда на классический манер вертикально опускается на довольно длинные усики (сткк. 3, 14), иногда слегка стягивает окружность. Сопоставление палеографии нашего декрета с такими выдающимися эпиграфическими памятниками Херсонеса, как Присяга IOSPE I² 401, закон об амнистии (ВДИ. 1984. № 3. С. 72–81 = SEG XXXXIV 750; XL 614 = Bull. ép. 1990, 556) и почетная надпись Агасикла IOSPE I² 418, с одной стороны, датированные мною по ряду признаков рубежом IV–III вв.²⁹, а с другой – земельный кадастр IOSPE I² 403+, который по палеографическим, но главное – просопографическим показателям надежно датирован 70–60-ми годами III в. до н.э.³⁰ (хотя и нельзя вовсе исключить его датировку временем около середины столетия), позволяют поместить разбираемый на этих страницах документ в рамки периода, маркированного двумя вышеназванными веками: Присяга, надпись Агасикла и закон об амнистии, как нижняя, и кадастр, как верхняя граница, дают для декрета о «несении Диониса» *terminus post resp. ante quem*, иными словами, суммарно первую четверть III в.

И все-таки за отсутствием пока в Херсонесе исторически датированных эпиграфических документов решающим критерием в датировке нашего должна послужить его достаточно богатая просопография магистратов, временные реперы для которой предоставляет надежно разработанная хронологическая классификация херсонесских клейм, а также нумизматика. Редкое для таврической дорийской апойкии имя номофилака «Полистрат» встречено кроме данного декрета лишь на амфорных клеймах группы 1В, которую В.И. Кац узко датировал 300–285 годами, когда этот магистрат еще занимал нижестоящую ступеньку *cursus honorum* – должность астинома³¹. Его патронимик, судя по разбираемому на эстампаже в стк. 3 концу имени и пропавшим в конце стк. 2 минимум двум буквам, скорее всего следует дополнить как Κλε[μυ]τάδα (?). Клемитад – херсонесский монетарий, чью деятельность В.А. Анохин отнес к 300–290 годам³², хотя, как мне кажется, нельзя вовсе исключить и конец IV в., если скульптурная группа, с которой, видимо, скопирован аверс дихалка, действительно создана именно в это время³³. Имя второго номофилака следует дополнять либо как [Διοσκου]ρίδας, либо скорее [Ἀπολλω]ρίδας: и тот, и другой были облечены должностью астиномов в той же группе 1В, т.е. в 300–285 годах³⁴, а Аполлонид (если это не ономим) известен кроме того еще и как эпонимный монетарий, чеканивший серебро в 290–280 годах³⁵. Очень существенно и то, что ни

²⁹ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. I. М., 1990. С. 334 сл.

³⁰ Соломоник Э.И., Николаенко Г.М. // ВДИ. 1990. № 2. С. 79–99; ср. Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 363–369; SEG XL 615, 616. Недавно обнаружен еще один фрагмент кадастра. Интересно отметить, что С.Ю. Сапрыкин в недавней монографии на английском языке (*Saprykin S.J. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike. Amsterdam, 1994. P. 73 f., 77*), упорно обходя датировочные аргументы всех вышеназванных издателей, не предлагая в противовес им ни одного своего, молчаливо отнес и Присягу и надпись Агасикла примерно к 275 г. до н.э., а кадастр – весьма суммарно к первой половине столетия, руководствуясь, как видно, презумптивно-археологическими соображениями.

³¹ Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. С. 76, 108, № 95.

³² Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 26, 139, № 80.

³³ А.Н. Зограф (Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // ИРАИМК. 1922. II. С. 350) отмечал, что подобные композиции возникают в греческой пластике именно в последней четверти IV в. до н.э. (ср. прим. 35).

³⁴ Кац. Ук. соч. С. 93, № 40. С. 88, № 16.

³⁵ Анохин. Ук. соч. С. 139, № 82. И.И. Толстой (ук. соч., с. 115) не без основания предполагал, что появляющиеся на монетах в датировочном генетиве имена монетариев принадлежали городским эпонимам – базилевсам. В таком случае Клемитад вполне мог выступать как полисный эпоним даже в первом десятилетии III в., когда его сын Полистрат – тогда всего лишь астином – некоторое время спустя уже принял на себя бразды правления в должности номофилака.

одно из поименованных в декрете девяти лиц не фигурирует среди нескольких десятков имен и патронимиков земледержателей кадастра 270–260-х годов, бесспорно входивших подобно верховным магистратам в городскую элиту. Думается, вышеприведенных аргументов более чем достаточно для того, чтобы отнести издание исследуемого нами документа примерно к 280 г. до н.э. Вскорости и, не исключено, тем же резчиком был высечен знаменитый декрет в честь историка Сириска, описавшего такие же, что и у нас, явления Девы. Предложение о нем было внесено тем же Гераклидом, сыном Парменонта, – по определению Ростовцева, отцом историка, – когда тот уже расстался с годичной (?) должностью диоикета³⁶.

Перейдем теперь к разбору и интерпретации отдельных клаузул мотивировки декрета о «несении Диониса», заслуживающих – как уже было продемонстрировано выше анализом преамбулы – весьма существенных коррективов чтения и восстановления на основании как эстампажа, так и самого камня в его нынешнем состоянии. Прежде всего необходимо отметить, что, невзирая на очень аккуратную, даже изящную работу резчика, первоиздатель приписал ему троекратное, хотя и нигде более в сохранившемся тексте не наблюдаемое нарушение принципа силлабического переноса, несмотря на то что в конце стк. 12 по эстампажу и оригиналу после *σιγμης* достаточно четко различима *ῥοτα*, скол конца стк. 15 вполне допускает размещение в лакуне утраченного *νιο*, а следующая стк. 16 свободно могла заканчиваться на *πομ./асс. pl. neutr. прил. ἔ]λεῦθερα* (*nom.sg.fem.* крайне маловероятен).

В **сткк. 5–6** Латышев дополнил *tà [περὶ τὰν θεᾶν Παρθένου]*, однако такой, элиминирующий существительное перифрастический оборот со значением «служение, долг по отношению к богине Деве» без предваряющего пояснения, в чем конкретно заключались эти *tà* (*ἔργα, πράγματα*), выглядит несколько странным и преждевременным, в чем убеждает, к примеру, контекст декрета 236/5 г. Рамнунта: *ἔδωκεν δὲ καὶ ἱερεῖα εἰς τὴν θυσίαν... ἐγχειπο[σ]ῶν τῶν θυσιῶν διὰ τὸν πόλεμον, ὅπως ἔχει καλῶς τὰ πρὸς [τ]ὰς θεάς* – «предоставил и жертвенных животных для принесения в жертву... поскольку жертвоприношения прекратились из-за войны, чтобы у рамнунтцев прекрасно были устроены обряды в честь богинь»³⁷. На основании этого, разобрав по эстампажу пару дополнительных букв, предлагаю и здесь восстановить *tà* [e.g. *ἱερά τὰ ποτὶ Παρθένου*], что несколько не меняет общего смысла.

В **сткк. 6–8** Латышев, а за ним и Ростовцев единодушно отнесли причастие *ἐνδεχομένην* к довольно далеко отстоящему от него объекту *χάριν* – «подобную, должную благодарность», аналогично, например, контексту синхронного эрифрского декрета: *τῆ[ν] ἐνδεχομένην ἐπιμέλειαν ἐποιήσατο*³⁸, где оно обозначает все-таки «всевозможную»³⁹, а не «надлежащую» заботу. Однако столь значительный в нашем случае отрыв атрибута от определяемого слова, равно как и стилистически корявый троекратный повтор в соседних строках 7, 8 и 9 одного и того же местоимения *αὐτῆ*, наводит на мысль дополнить в стк. 8 при *χάριν* банальное определение *ἀξίαν*, две последние буквы которого к тому же различимы на эстампаже, причастие же *ἐνδεχομένην* отнести к богине Деве, понимая его в другом, обычном для него значении: «принимающая на себя»⁴⁰, с опущенным здесь, но вытекающим из факта спасения абстрактным объектом (забота, попечение, защита и т.п.). Ведь именно

³⁶ По мнению Ростовцева (Сирииск... С. 156 сл.), тот же Сирииск выступает и на монетах, которые, согласно датировке Анохина (ук. соч., с. 139. № 79), чеканились опять же в первом десятилетии III в. Ср. также: *Виноградов. Политическая история...* С. 224 сл.

³⁷ *Moretti. ISE. I. 25=Bielman. 30.27–30; ср. Syll.³ 204.45–54: περὶ τ[ῆς] ἱ[ε]ρ[ᾶς] ὀργ[ᾶ]δος... [ἄ]νω[ς] ἀ[ν] ὡς εὐσεβέστατα ἔχει τὰ πρὸς τὴν θεῶν.*

³⁸ *I.v. Erythr. Klaz. I, 28=Bielman. 21.6/7. Ср. Syll.³ 618=Sherk R.K. Roman Documents from the Greek East. Baltimore, 1969. N 35.9: πρόνοιαν ποιῆσαι τὴν ἐνδεχομένην.* Кроме того, мне неизвестны случаи наделения *χάρις* атрибутом *ἐνδεχομένην*.

³⁹ Что более адекватно и отразил своим переводом «возможную» Толстой (ук. соч., с. 99).

⁴⁰ Ср. *L–S–J, s.v. ἐνδέχομαι, προσενδέχομαι: take upon oneself, undertake as well, со ссылкой на IG VII, 2711.64.*

верховное божество выступало в роли защитника, покровителя херсонеситов, своими внезапными и своевременными эпифаниями спасая граждан от смертельной опасности (соответствующее восстановление см. ниже).

В оставленной первоиздателем поначалу без дополнения лакуне стк. 9 он сам⁴¹, а потом Ростовцев⁴² по корреляции с καὶ υἱὸν в следующей строке логично восстановил [πρότερὸν τε], которое для исчерпывающего заполнения лакуны требует легкой модификации в [πρότερὸν τε ἦδη], документально засвидетельствованной рескриптом из Миласа Syll.³ 768.6⁴³. Четко различимые вслед за этим на эстампаже буквы без труда дополняются в (πολ)λάκι, т.е. в наречие усеченной формы, свойственной в частности и мегарскому диалекту, как доказывают аналогичные образования⁴⁴. Обнаружение ее в одном декрете Амизона (№ 15.10) и у философа Филодема заставило внести corrigendum в Supplement новейшего издания лексикона LSJ, s.v. πολλάκι: delete 'never in Prose'.

Больше всего корректив принципиального значения вызывают чтение и реконструкция сткк. 11–13. Уже prima facie бросается в глаза, что латышевское дополнение в стк. 11 [τῶν οἰκτῆ]όρων неприемлемо не потому, что лакуна зияет тогда vacat'ом в целых три места, но прежде всего из-за того, что между различимыми на эстампаже окружностью будто бы *ομικрона* и буквой *ρο* остается место для полной литеры, в которой без труда распознается не продавленный карандашом *εψилона*⁴⁵. Едва различимые (справа налево) впереди окружности остатки *ιψилона* и *εψилона* не оставляют ни малейших сомнений в дополнении здесь того же прилагательного ἐλεεινῶρων, что и в стк.16 – ἐλεεινῶρα, что существенно меняет ситуацию. Дело в том, что в документах, повествующих, как и у нас, о нападении на мирных жителей с попыткой увода их в плен, этот статусный атрибут постоянно сочетается с термином σῶματα, означающим ни много ни мало как «personae liberae, лица свободного состояния». Кроме данного определения этот terminus politicus, сам по себе, согласно моим наблюдениям, в подавляющем большинстве случаев всплывающий в эпиграфических документах именно о вызволении военнопленных или пленников пиратов⁴⁶, сопровождают и другие статусные атрибуты: σῶματα πολιτικά – лица гражданского состояния, σ. ἱερά – люди храмовые, σ. αἰχμάλωτα – лица, захваченные в плен, наконец, σ. δοῦλα – «рабы»⁴⁷.

Очень странными выглядят реконструкция и интерпретация предшествующими

⁴¹ Предварительно Латышев (К вопросу о культе... С. 210) дополнил в стк. 9 [πρότερὸν τε] «на основании множества аналогий в эпиграфических документах, в соответствии со следующими далее (стк. 10) словами καὶ υἱὸν». Однако разобранная им в последней публикации перед σθελεῖς *йота* удержала его в конце концов принять это дополнение, и вызвала его ремарку: Nescio an legendum sit [ἀποδοῦς; παιδιμῆ] (IOSPE I². P. 288. Not. 1), что теперь опровергается обращением к эстампажу (см. ниже).

⁴² Ростовцев. Сириск... С. 156.

⁴³ Толстой (ук. соч., с. 99, прим. 1), со своей стороны, оценив остатки букв, воспроизведенные первоиздателем, предложил дополнить в стк. 9: [καὶ πάλα]ι σθελεῖς, намекнув на случившийся в далеком прошлом одновременный акт, когда Дева пришла на помощь херсонеситам.

⁴⁴ Köppner F. Der Dialekt Megaras und der megarischen Kolonien // Jahrb. f. Kl. Phil. 1891. 18. S. 557, 20: das C dürfte parasitisch sein; Thumb A., Kieckers E. Handbuch der griechischen Dialekte. I. Heidelberg, 1932. S. 142, § 134, 10b: ἑκαστάκι (-άκις) Chalkedon, wie argol. τετράκι, hom. ὄσακι, πολλάκι, pindar. ἐζηκοντάκι. Опираясь на эти примеры, следует констатировать то же явление и для архаического ионийского диалекта, соотв. сняв предложенное издателями исправление в стк. 4 дидимского оракула с Березани SEG. XXXVI. 694; XL. 611: ἑπτακχ(λι(ο)). Возможное восстановление в стк. 10 [ἐκ διαφόρων κινδύν]ων Латышев (К вопросу о культе... С. 209. Прим. 1) отверг по соображениям заполнения места.

⁴⁵ На это обстоятельство обратил внимание сам Латышев (К вопросу о культе... С. 210): «...на камне между буквами O и P есть попорченное местечко, в котором могла бы поместиться одна буква. Возможно, однако, предположить, что этот изъян в камне имелся уже при самой вырезке декрета, и резчик должен был обойти его».

⁴⁶ Ducrey P. Le traitement des prisonniers de guerre dans la Grèce antique. P., 1968. P. 26. Сомнения на этот счет А. Бильман (Op. cit. P. 227) неосновательны.

⁴⁷ Ср. Bielma. Op. cit. P. 356.

издателями стк. 12/13: [ἐπὶ τὰν] κομίδαν τοῦ Διονύσου καὶ ἔφοδον δεῖνὰν πο]ιησαμένων κтл. – «когда отправились жители с детьми (и женами на) несение Диониса (и страшный набег) совершили... варвары». Во-первых, как отмечено выше, нет никаких оснований допускать в стк. 12 нарушение силлабического переноса, что, естественно, не исключает вовсе дополняемого в том же смысле, хотя и более проблематичного: τοῦ Διονύσου vel -ακοῦ e.g. ξοάνου vel sim.] – «несение дионисийского изваяния»⁴⁸. Главное в другом: как по оригиналу, так и по эстампажу перед *καπνοῖ* совершенно отчетливо прочитывается *гамма*, а коль скоро ни в одном другом месте нашего текста ассимиляции при столкновении конечного назального с инициальным гортанным соседних слов не наблюдается (стк. 2 – ἐὼν κ[αί, 6 – Παρθ]ένου καί, 10 – κινδ]ύνων καί, 14 – βαρβάρων καί), то в стк. 12 она могла появиться исключительно в префиксе композитного слова, что, учитывая заметные перед *гаммой* кончики усиков *ипсилона*, приводит к однозначному дополнению здесь сущ. σ]υγκομίδαν. Иными словами, жители Херсонеса свободного статуса двинулись вместе с детьми и женами за город не на празднование сельских Дионисий, а всего навсего для сбора урожая на своих клерах⁴⁹.

Широко известно, что разные сорта винограда и прочие плодовые культуры, которые, по преимуществу, выращивались на Гераклеяском полуострове, вызревали не в одно и то же время, что и потребовало от составителя декрета уточнения момента страдной поры, когда херсонеситы отправились с семьями на поля τοῦ Διονύσου [τοῦ μηνός] – «(в месяце) *дионисий*». Как неоднократно справедливо отмечалось в литературе, «последовательность месяцев в большинстве дорийских календарей точно не установлена и месяцы с одинаковыми названиями могут в разных городах приходиться на разное время года, даже не обязательно совпадая по времени с соответствующим праздником»⁵⁰. Поэтому разбираемый документ, окончательно утративший с этой минуты право называться декретом о «несении Диониса», дает, пожалуй, первый надежный календарный репер: месяц *дионисий* скорее всего приходился на август–сентябрь – обычный период уборки урожая⁵¹. Попутно замечу, что ростовцевское дополнение в стк. 13 [δεῖνὰν] выглядит как *bouche trou*; кроме того, в эллинистических документальных актах периоды с разными субъектами, совершавшими неадекватные действия (у нас выраженные через *gen. abs.*), присоединялись друг к другу союзной частицей τε, а не καί.

Сткк. 14–18. Латышевское дополнение [τῶν παροικοῦν]των βαρβάρων бесспорно и подкрепляется Диофантовым декретом⁵²; наречие же παρὰλό[γως] можно слегка модифицировать в прил. παρὰλό[γον], коррелирующее с [ἔφοδον]. Гораздо больше претензий возникает к реконструкции ключевых для всего документа сткк. 15–17, оставленных издателями практически без дополнений. Предложив поначалу с колебаниями восстановление [τὸ ἀγαλ?]μα τὰν εἰς πᾶσα[ν τὰν πόλιν?]⁵³, а затем скромно ограничившись следующими лексемами: καὶ δυ[---]μα τὰν εἰς πᾶσα[ν ---

⁴⁸ Во второй публикации Латышев (К вопросу о культуре... С. 208) коррелировал это со своим восстановлением в стк. 15 [τὸ ἀγαλ?]μα.

⁴⁹ Замечательным образом Латышев (К вопросу о культуре... С. 210), а за ним и Толстой (ук. соч., с. 100, прим. 2), отнесли предполагаемый дионисийский праздник ко времени сбора винограда.

⁵⁰ Соломоник Э.И. // ВДИ. 1976. № 3. С. 140; Pritchett K. Months in Dorian Calendars // AJA. 1946. № 3. P. 358–360; Виноградов Ю.Г. // ВДИ. 1996. № 1. С. 57. Прим. 21.

⁵¹ Если *герай*, действительно, верно определен К. Ханелем как первый месяц календаря родственного Херсонесу Византия, то год начинался там, скорее всего, не с осеннего, как думал автор (Hanell K. Megarische Studien. Lund, 1934. S. 190–194), но – подобно милетским колониям – с весеннего равноденствия, тогда херсонесский *дионисий* точно попадал на август–сентябрь.

⁵² IOSPE I² 352.9 – τοὺς παροικοῦντας ταύρους. В договоре с Фарнаком, как и в Полиеновом анекдоте об Амаге, употреблен схожий, но не подходящий для нашего случая термин: IOSPE I² 402.14 – οἱ παρακεῖμενοι βάρβαροι; Polyaeus VIII. 56 – τῶν παρακεῖμενων Σκυθῶν.

⁵³ Латышев. К вопросу о культуре... С. 208; дополнение весьма проблематично, поскольку первое τὰν повисает в воздухе, не обретая своего коррелата в существительном.

ἐλεῖ ἰσθέραι[ν ...], editor princeps так пояснил свою сдержанность: Ceterum hos versus certo restituere (et maxime quidem vv. 15 et 16) admodum est difficile, dimidia fere textus parte deperdita (IOSPE I². P. 288). Между тем, внимательнейшее изучение как не тронутого временем в правом нижнем углу мрамора, так и эстампажа, позволило отчетливо разобрать в стк. 15 перед μα сначала четко сохранившееся ρο, а перед ним верхний уголок, который мог принадлежать только *альфе*, и сверху перед нею чуть апицированный кончик горизонтали, что в совокупности не оставляет иных вариантов дополнения кроме Σαρματῶν!

На смену Геродотовым Σαυρομάται этноним Σαρμάται приходит уже в IV в. до н.э., впервые, кажется, появляясь у Эфора и Феофраста⁵⁴. Уже в Диофантово время его употребляют херсонесские анналисты: согласно меткому наблюдению Ростовцева, в первой сохранившейся строке фрагментированного декрета о борьбе за Калос Лимен IOSPE I² 353 следует дополнять Σκύθας καὶ Σαυρομάτας⁵⁵, однако едва заметный наклон вправо крайней и легкий сдвиг влево предпоследней гасты заставляет внести корректив – Σαρμ[ά]τας, что, впрочем, уже незадолго до того предлагалось и самим экзегетом⁵⁶. Все сказанное и позволило редактору раннеэллинистического декрета назвать задонских соседей скифов сарматами, а не савроматами.

Итак, остается решить три основных вопроса, напрашивающихся в итоге критического пересмотра документа: 1) кто конкретно мог скрываться под расплывчатым определением «соседние варвары» (τῶν παροικούντων βαρβάρων); 2) какое именно злодеяние умыслили они против свободных жителей Херсонеса; 3) в какой связи появились в тексте декрета сарматы.

Сравнивая словоупотребление нашей псефизмы, с одной стороны, с фразеологией Диофантова декрета и Полиена, а с другой – с договором с Фарнаком (см. прим. 52), уверенно можно прийти к выводу о том, что под [οἱ παροικούν]τες βάρβαροι редактор документа имел в виду не моноэтническое племя, но как минимум две варварских народности, враждебно соседившие в раннем III в. с Херсонесом⁵⁷. Поскольку сарматы явно противопоставлены им в следующем периоде фазы, то в окружавших полис варварах скорее всего следует распознавать прежде всего его непосредственных соседей – тавров, известных, по единодушному признанию источников, как дикие и агрессивные пираты⁵⁸, так и запертых сарматами на Крымском полуострове наследников Великой Скифии, ожесточивших свои набеги по первоначалу на дальнюю хору Херсонеса на Тарханкуте как раз в первой трети III в.⁵⁹ Сатархов следует, видимо,

⁵⁴ FGtH 70 F 159 (Anon. PPEuh. 49. 6 = Ps. Skymn. 877 Diller); Theohpr. Fr. 172 (= SC. C. 90, 388).

⁵⁵ Ростовцев М.И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сб. ст. в честь гр. П.С. Уваровой. М., 1916. С. 6. В документе римского времени IOSPE I² 369.7 в Σαυρομάται P.X. Лёпер распознавал имя боспорского царя Савромата, к чему склонялся и Латышев. Однако Ростовцев (с. 14), дополнив впереди [Σκυθῶν] καὶ Σαυρομάται, увидел в нем не антропоним, но этноним, ставший уже к тому времени архаично-литературным анахронизмом.

⁵⁶ Он же. Сириск... С. 160.

⁵⁷ Тем не менее Ростовцев (Амага и Тиргатао. С. 63. Прим. 1) уверенно полагал, что «декрет... содержит, по всей видимости, изложение одного из случаев чудесного избавления Херсонеса от набега скифов при помощи богини Девы. К сожалению, – оговаривается он, – мы не знаем, скифы ли или тавры упоминаемые в надписи παροικούντες βάρβαροι. Если правильно первое, то начало напора скифов на Таврический полуостров приводит отнестись еще к III в. до P.X.».

⁵⁸ Herod. IV. 103; Strabo. VII. 4. 2; Diod. IV. 43. 5; Pomp. Mela. II. 11; Sall. in: Schol. ad Juven. Satur. 15, 115; Ann. Marc. XXII. 8. 33; Anon. PPE. 79. О том же может косвенно свидетельствовать для позднеэллинистического и раннеимператорского времени интерпретация находок в таврском святилище на Гурзуфском седле: Novičenkova N., Novičenkov V. Das Heiligtum auf dem Paß Gurzufskoe Sedlo // Gold der Steppe. Ausstellungskatalog. Schleswig, 1991. S. 168; Новиченкова Н.Г. Святилище Крымской яйлы // ВДИ. 1994. № 2. С. 84; eadem. The Sanctuary of the Crimean Yaila // Ancient Civilizations. 1996. 3, 2–3. P. 214 f.

⁵⁹ См., например: Виноградов, Щеглов. Образование территориального Херсонесского государства. С. 362.

все же исключить, так как они появляются в поле зрения литературных и эпиграфических источников не ранее середины II в. до н.э.⁶⁰

Ничуть не более сложно разрешается и загадка о том, какова же была по своей сущности акция напавших на херсонеситов варваров. Коль скоро прежнее прочтение κομιδάν τοῦ Διονυσίου мною предложено исправить на στυκομιδάν τοῦ Διονυσίου (μυρίδας), то следует согласиться с тем, что мероприятие херсонеситов составила не религиозная процессия в честь Диониса за черту города, которая могла и должна была в тревожной обстановке эскортироваться военным отрядом херсонесского ополчения⁶¹, но сезонный выход жителей на поля для сбора урожая. Тогда не остается иного, как признать, что нападение на граждан и неграждан⁶² Херсонеса со стороны окрестных варваров было ни чем иным, как пиратским набегом с целью захвата σώματα ἐλεύθερα и последующей продажи их в рабство. Это весьма правдоподобное заключение неизбежно наталкивает на путь поиска аналогичных ситуаций, спровоцированных пиратской практикой и тактикой, которые достаточно подробно освещены как античными письменными источниками, так и в современной научной литературе⁶³.

Античности известны две формы пиратства – сухопутное и морское, причем второе заключалось не только в захвате добычи на море, но и в нападении разбойников с целью грабежа на сушу. Неоднократно подчеркивалось, что основной целью пиратов эллинистического периода была охота за людьми с целью превратить их в товар, т.е. предложить родственникам за выкуп либо продать их в рабство⁶⁴, что полностью соответствует сути варварской акции, предпринятой в окрестностях Херсонеса. Одну из излюбленных тактик пиратов наиболее красочно обрисовал декрет Айгиалы на Аморгосе конца III в. до н.э.⁶⁵, соответствующие строки (4–28) которого нелишне привести в переводе in extenso: «Поскольку, когда пираты напали ночью на хору, захватив в плен девиц и женщин и других лиц, свободных и рабов (σωμάτων καὶ ἐλευθέρων καὶ δούλων), всего числом более тридцати, они порубили корабли в гавани и завладели судном Дориея, на котором отбыли, имея при себе и людей и все прочее захваченное. Когда же это случилось, Гегесипп и Антипапп, сыновья Гегесистрата и сами пленники (αἰχμάλωτοι), уговорили главаря пливших пиратов Соклейда освободить лиц свободного состояния (τά τ' ἐλεύθερα σώματα) и некоторых из вольноотпу-

⁶⁰ IOSPE I² 672; об этой надписи со ссылкой на предыдущие издания см. *Виноградов*. Политическая история... С. 243 сл. Прочие источники по сатархам сведены и проанализированы Ю.М. Десятчиковым (Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 131–144).

⁶¹ Ср. аналогичную – уже сопоставленную в этой связи Толстым (ук. соч., с. 100) – ситуацию, обрисованную ольвийским декретом в честь Никерата Папиева IOSPE I² 34. 13–20, который, кстати, своей строкой 16 оправдывает дополнение Латышевым херсонесского декрета в стк. 13, так как там сообщается οὐτῆρι τῶν πολεμικῶν καὶ βαρβάρων ἔφοδον.

⁶² Следует в этой связи обратить внимание на терминологию документа: его редактор определил термин σώματα не прилагательным πολιτικά, обозначающим граждан, но – ἐλεύθερα, имея в виду просто лиц свободного статуса, в число которых следует, видимо, включить и наемных рабочих, рекрутировавшихся, как известно, в страдную пору для уборки урожая. Отсутствие в этом контексте упоминания о рабах не может служить основанием для вывода о том, что они не эксплуатировались в сельском хозяйстве Херсонеса.

⁶³ Основные работы: *Ormerod H.A.* Piracy in the Ancient World. L., 1924; *Ziebarth E.* Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929; *Ленцман Я.А.* К вопросу об источниках эллинистического пиратства // ВДИ. 1946. № 4. С. 219–228; *Трофимова М.К.* Эллинистическое пиратство // ВДИ. 1963. № 4. С. 53–79; она же. Пиратство в Восточном Причерноморье в III в. до н.э. // *Зельин К.К., Трофимова М.К.* Формы зависимости в Восточном Причерноморье эллинистического периода. М., 1969. С. 188–240; *Брашинский И.Б.* Понтийское пиратство // ВДИ. 1973. № 3. С. 124–133. Ср. *Quaß F.* Die Honoratiorenschicht in den Städten des griechischen Ostens. Stuttgart, 1993. S. 112–116. Дополнив в IOSPE I² 343.13 перед [ἔφοδον] ἐξempli causa [δεινάν], Ростовцев в позднейшей работе (Ἐπιφάνεια. С. 204) уже вполне уверенно утверждает, что «сообщается о великом вторжении варваров, о великой угрожающей жителям города опасности».

⁶⁴ См., к примеру: *Трофимова*. Из Истории... С. 57–59.

⁶⁵ IG XII 7, 386 = Syll.³ 521 = *Bielman*. 38.

щенников и рабов, а взамен того предложили себя в заложники, выказав всяческую заботу, дабы никто из гражданок и граждан не был ни уведен как добыча, ни вывезен на продажу (πρᾶξις), ни очутился бы страдающим и бедствующим и не было бы убито ни одно лицо гражданского состояния (σῶμα πολιτικόν), но чтобы благодаря им пленники были спасены и возвращены домой».

Этот и многочисленные аналогичные ему эпиграфические документы⁶⁶, равно как и литературные свидетельства однозначно показывают, что, во-первых, судя по всем доступным нам свидетельствам, пираты никогда не нападали на защищенные стенами города, но лишь на их жителей, вышедших extra muros⁶⁷, а во-вторых, после успешного пиратского налета, заканчивавшегося уводом жителей какой-нибудь области, бригады стремились продать их на каком-нибудь внешнем рабском рынке – на Крите, Делосе и т.п., что полностью повторяло такую же практику и в отношении военнопленных⁶⁸. Поэтому нет никакого сомнения в том, что и окрестные варвары, напавшие на снимавших урожай на своих клерах херсонеситов, должны были попытаться возможно скорее сбыть их куда-нибудь на сторону, а не то херсонесское воинство постаралось бы их освободить, наказав виновных.

Еще более близкую по времени и сезонной ситуации картину рисует рамнунтский декрет времени Хремонидовой войны в честь аттического стратега Эпихара, поставленного на защиту приморской хоры (τάξαντος ἐπὶ τὴν χώραν τὴν παραλίαν)⁶⁹, чьей первой задачей было обеспечить безопасность аттических земледельцев во время сбора урожая и тем самым беспрепятственное хлебоснабжение Афин, когда большую часть Аттики топтал сапог Антигоновых солдат. Рядом оборонно-строительных мероприятий Эпихар сумел обеспечить безопасность крестьян в приморской зоне и доставить в Афины урожай зерновых, плодовых культур и винограда⁷⁰. Одной из особо интересующих нас акций чествуемого стратега явилось финансовое соглашение с нападавшими на земледельцев пиратами, вероятно, состоявшими на службе Антигона, о выкупе каждого захваченного в плен лица за 120 драхм. Документ сообщает еще одну любопытную подробность: пиратов наводили на их жертв какие-то люди из города (δῆμιαι ἐκ τῆς πόλεως, т.е. Афин) – «сталкеры» (τοὺς κλαθηγούμενους), в которых, по остроумной гипотезе Х. Хайнена⁷¹, следует подозревать антипатриотическую «пятую колонну», получившую от Эпихара заслуженное их деяниями возмездие – смертную казнь. Едва ли можно сомневаться в том, что как в случае с неким захваченным пиратами во время борьбы Антигона с Александром Коринфским и проданным ими неприятелям саламинянином⁷², так и в только что разобранным, морские

⁶⁶ *Bielman*. 5. 18, 21, 22–26, 28, 29, 31, 32, 38, 40, 45, 49–52 (декреты о пиратах).

⁶⁷ Поэтому следует признать рискованным утверждение Брашинского (ук. соч. с. 127) о том, что морские разбойники «совершали набеги и на прибрежные местности и даже города». Упомянутое Плинием Старшим (VI. 5. 16) разграбление гениохами Питиунта следует, безусловно, квалифицировать как военную акцию.

⁶⁸ Ср. *Bielman*. 25: захваченный пиратами саламинянин был вывезен с острова и передан неприятелю; № 29: плененные разбойниками эретрийцы проданы в Акарнанию; № 31: пират Букрис, совершивший набег на хору Аттики, увез на Крит многих граждан и других жителей Афин; № 46: два плененных во время войны или в результате пиратского набега халкидянина были проданы в рабство в лежавшем неподалеку на материке Антедоне.

⁶⁹ *Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jhs v. Chr.* Wiesbaden, 1972. S. 152–159 = *Bielman*. 24 (264/3 г.).

⁷⁰ Абсолютно аналогичную ситуацию с использованием той же, что и в херсонесской псефизме, терминологии описывают строки 23–27 декрета в честь Каллия из Сфетта: ἔξαγαγὼν εἰς τὴν χώραν τοὺς στρατιώτας τοὺς μεθ' αὐτοῦ προεκάθητο τῆς τοῦ σίτου συσκομιδῆς ἢ πᾶσαν ποιοῦμενος σπουδῆν ὅπως ἂν εἰς τὴν πόλιν σῆτος εἰσκομισθεῖ. См. *Shear T.L. Kallias of Sphettos and the Revolt of Athens in 286 B.C.* / *Hesperia Suppl.* XVII. 1978. P. 2 f.; в комментарии (P. 20 f.) автор дает исправное восстановление аналогичного пассажа в декрете в честь Зенона IG. II², 650. 16–19: ἐπιμελεῖται δὲ [τῆς συσκομιδῆς τοῦ] σίτου τῷ δῆμῳ ὅπως ἂν ἀσφαλῆσται εἰσκομίζηται. Досье приведенных документов бесспорно показывает, что ситуация с военной или пиратской угрозой в момент сбора урожая была типической.

⁷¹ *Heinen*. Op. cit. S. 157.

⁷² IG II² 1225 = Syll.³ 454 = *Bielman*. 25. 12–18. Ср. *Трофимова*. Из истории... С. 59.

разбойники замыслили сбыть плененных рамнунтцев прежде всего македонскому врагу Афин. Вышеприведенные примеры доказывают справедливость заключения, «что при всей настойчивости, с которой пираты в своих вылазках преследовали именно людей, последние интересовали пиратов, в первую очередь, не сами по себе, не как рабы, которых можно использовать в собственном хозяйстве, но как добыча, которую легко можно реализовать на рынке»⁷³.

Возвращаясь вновь к херсонесской псефизме, следует прежде всего заметить, что с предполагаемым злым умыслом окрестных варварских пиратов, задумавших пленить херсонеситов и продать их в рабство куда-нибудь подальше, на сторону, хорошо согласуются остатки букв последней строки, где после вертикали отчетливо как по оригиналу, так и по эстампажу можно разобрать слог ΠΡΗ, который логично дополнить в inf. aor. pass от πέριημι – πρῆθηται. Значение термина точно установлено в замечательном исследовании П. Шантрена: не просто «продавать», но «выставлять, вывозить на продажу», очень часто применительно именно к вывозу рабов на чужбину⁷⁴.

Для ответа на последний из поставленных вопросов: в какой связи упомянуты в нашем документе сарматы, необходимо разобрать все имевшиеся в арсенале варварских пиратов возможности реализации их будущей добычи. О рискованности длительного содержания пленников у себя дома, к примеру, в горах, предгорьях или на степном пространстве Крыма уже сказано выше. Даже если тавры, в отличие от не располагавших в то время флотом скифов совершали свои морские набеги на быстроходных, но довольно утлых камарах, трудно себе представить, чтобы они отважились пересечь на них с живым грузом открытое море в долготном либо широтном направлении, сбыв плененных херсонеситов где-нибудь на Левом или Южном Понте⁷⁵. В соседних же греческих государствах Северного Причерноморья им и вовсе не удалось бы довершить свой замысел по следующим объективным причинам. Изданный всего немногими годами спустя декрет в честь херсонесского историка Сирикса дважды свидетельствует *expressis verbis* об «установившихся дружеских отношениях с царями Боспора и полисами»⁷⁶, что так и напрашивается увязать с одинаково опасной для всего северопонтийского эллинизма варварской угрозой⁷⁷. Возможность заключения Херсонесом в III в. союза с Ольвийским полисом уже отмечалась в литературе⁷⁸, о позиции же Боспора в этом отношении красноречиво свидетельствуют предпри-

⁷³ Трофимова. Из истории... С. 73 сл.

⁷⁴ Chantraine P. Conjugation et histoire des verbes signifiant vendre (πέριημι, πωλέω, ἀποδίδομαι, ἐμπολάω) // Rev. Phil. 1940. XIV. P. 11–17. Ср. дополнение того же глаг. (ἀποπε)ράσσει в сткк. 4/5 готовящегося мною к публикации закона IV в. до н.э. из Абдер о рекламации живого товара, включая рабов, со скрытыми физическими изъянами (Feyel M. // BCH. 1942–1943. 66–67. P. 180–188. № 2).

⁷⁵ Исходя из сопоставления пассажей Страбона (VII. 4. 2), сообщающего о том, что «тавры собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда [т.е. в гавань Символон лимен, Балаклавскую бухту] бегством», и Диодора (XX. 25. 2), Трофимова (Пиратство в Восточном Средиземноморье. С. 209 сл.) приходит к выводу, «что разбой у тавров еще не был связан с торговлей, захват пленных не преследовал целей работорговли». Тем не менее не следует сбрасывать со счетов, во-первых, обрывочность наших свидетельств о таврском пиратстве, во-вторых, тот факт, что в разбираемой акции тавры выступают не в одиночку, но сообща, скорее всего с крымскими скифами, и, в-третьих, учитывая подмеченную рядом авторов неразвитость у тавров товарно-денежных отношений, что сделка их с контрагентами могла состояться и в натуральной форме – в обмен на лошадей, скот и т.п. Неполный ассортимент продуктов, вывозившихся от донских племен, находим у Страбона (XI. 2. 3).

⁷⁶ IOSPE I² 344.4–7: τὰ ποτὶ τοὺς Βοσπ[ό]ρου βασιλεῖς... τὰ [θ'] ὑπάρξαντα φιλιάνθρωπα ποτὶ τὰς πόλεις; 17–19: τὰ ποτὶ τὰς [πόλεις καὶ τοὺς] βασιλεῖς ὑπάρξαντα φιλιάνθρωπα. О величании поздних Спартокидов начиная со Спартока III титулом βασιλεῖς см. Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. Bd II. Stuttgart, 1993. S. 83, с моим критическим комментарием (S. 139. Anm. 12).

⁷⁷ Ср. Ростовцев. Сирикс... С. 157; в этой статье автор разумел под союзными полисами «прежде всего Гераклею, а затем другие сильные города Черноморского побережья», и еще позже (Ἐπιφάνεια. S. 204) – «метрополию и другие города южного берега Понта Евксинского».

⁷⁸ См. Леви Е.И. // ВДИ. 1953. № 1. С. 181; Виноградов. Политическая история... С. 185 сл.

нятые за четверть века до этого акции Евмела (309–304), который, «развернув в интересах плавающих на Понте борьбу против занимавшихся разбоем варваров – гениохов и тавров, а также ахеев, очистил море от пиратов... купцы повсюду разнесли молву о его великодушии» (Diod. XX. 25. 2)⁷⁹. Совершенно очевидно, что в такой политической ситуации попытка варваров продать в рабство херсонесских пленников в Ольвию, Тиру или один из городов Боспора заведомо была обречена на провал, и им пришлось бы искать иной рынок сбыта, который, как мне представляется, и был ими найден, однако совсем в другой стороне.

Для выяснения содержания заключенного в сткк. 14–17 пассажа мы располагаем следующими критериями: 1) присоединяющий его союз καί указывает на то, что у этого предложения с предыдущим либо одно и то же подлежащее – «окрестные варвары», либо действия разных субъектов стали одинаково опасными для херсонеситов⁸⁰; 2) буквы δυ- в стк. 14 могли начинать либо причастие от глагола δύναμαι, либо такие однокоренные существительные, как δυναστῆς, δύναμις; 3) εἰς πάσαν в стк. 15 может указывать на продвижение по всей территории некой страны или области либо попадание в какое-то состояние. Если предположить вариант с причастным сказуемым δυ[νῆνται], т.е. если пиратам удалось войти в контакт с сарматами с какой-то конкретной целью, например, дабы уговорить их на что-то, заключить с ними союз и т.п., то в лакуне стк. 15 остается слишком мало мест (около 9) для надлежащего дополнения, а кроме того, с этим плохо согласовывался бы γεν. Σαρματῶν (ожидать собирательного sing. «Сармат» в подобном протокольном документе совсем мало шансов). Остаются, казалось бы, лишь два варианта дополнения и экзегезы – в формально-смысловом отношении примерно равнозначные: 1) δύνασταν/τας πεισάντων τὸν/τοὺς] Σαρματῶν εἰς πάσα[ν e.g. Ταυρικὰν ἐμβαλεῖν] – «окрестные варвары (убедили) династа/-тов сарматов (вторгнуться) во всю (Таврику?)», 2) δύνασιν προτιθεμένων? τὰν] Σαρματῶν κτλ. – «(заранее разузнав?), что войско сарматов (вторглось...)».

Первый вариант экзегетической реконструкции наталкивается на следующие трудно преодолимые барьеры. Во-первых, ни один античный автор, как и ни один эпиграфический документ не именует предводителей сарматов династами: наиболее легализованными потестарными терминами у них были либо «цари» (βασιλεῖς) либо «скептухи» (σκηπτοῦχοι)⁸¹. Во-вторых, согласно нашему предположению, в состав пиратствующих в окрестностях Херсонеса банд входили и скифы, недавно изгнанные со своей родины именно сарматами, а потому едва ли имевшие какое-либо право и тем более желание заключать с ними союз или подавать им дельные советы.

Сколь привлекательным ни выглядел бы второй вариант реконструкции, он также наталкивается на непреодолимое препятствие: просмотр десятков и десятков литературных и эпиграфических свидетельств не обнаружил ни одного случая, когда глаголы εἰσ/ἐμβαλεῖν + εἰς et sim. получили бы к топонимическому дополнению (Ἄσσαν, Μακροδοίαν, Σκυθίαν etc.) определение πάσαν, что явно противоречило бы в данной грамматической позиции здравому смыслу, ибо «всю Скифию» можно было покорить⁸², но не вторгнуться на всю ее территорию.

Все высказанные сомнения натаскивают на иную версию интерпретации и восстановления текста. Дерзнувшие предпринять пиратский набег окрестные варвары явно воспользовались благоприятностью случая – то бишь беззащитностью херсонесских

⁷⁹ Брашинский (ук. соч., с. 129) полагает даже, «что боспорский царь нанес таврским пиратам сокрушительный удар, который надолго, если и не прекратил полностью, то во всяком случае существенно ослабил их разбойничью деятельность».

⁸⁰ Для подобного копулятивного узуса ср. IOSPE I² 32A. 24–26, 45–48, 52–53, 59–61; B. 79–83: τῶν δ' ἐν τῆι πόλει κακῶς διακειμένων πάντων διὰ τε τοὺς πολέμους καὶ τὰς ἀφορίας καὶ τῶν ὑπαρχόντων εἰς τὸ [μη]θὲν ἤκόντων.

⁸¹ См., к примеру: *Polyaen.* VIII, 56: βασιλέως Σαρματῶν; IOSPE I² 32A.42: σκηπτοῦχοι... τῶι βασιλεῖ, скорее всего в отношении сарматских правителей; *Tac. Ann.* VI. 33. 2: scerptuchi.

⁸² Ср. Syll.³ 326. 22–24: Ἀλεξάνδρωι... πάσαν τὴν Ἄσσαν... καταστρεψαμένων.

земледельцев – в преддверии очередного вторжения сарматов (δυνάμεος εἰσβαλοῦσα⁸³ τᾶς] Σαρματᾶν) в южнорусские степи, которое кочевники обычно совершали ранней зимой⁸⁴, что подвергало херсонеситов всяческой опасности (εἰς πᾶσαν περίστασιν⁸⁵ vel συμφορὰν ἐμπερόντα^{86?} σώματα τὰ ἐλεύθερα): с одной стороны, быть захваченными в плен, а с другой – проданными далеко на чужбину в рабство. Действительно, если напавшие на жителей Херсонеса варвары имели намерение, как это следует из стк. 17, вывезти их на продажу (πρῆθῆναι), то лучшего чем сарматы контрагента им вряд ли было сыскать: безусловно осведомленные о регулярности сарматских грабительских вторжений, они, переправив пленников за Перекоп, не только получили бы реальную прибыль, но и надежно запрятали бы концы своего злодеяния, ибо, совершив очередной набег, сарматы какое-то время спустя должны были снова откочевать за Дон.

На этом оптимальном, с моей точки зрения, варианте реконструкции конкретных событий и основано приводимое ниже восстановление строк 14–17 декрета. К фразеологии восстановленного блока отыскиваются соответствующие параллели в эпиграфике и у авторов. Термин δύναμις обычен для обозначения войска, варварских полчищ (ср. аналогичную ситуацию в Протогеновском декрете IOSPE I² 32B. 5–7: Γαλάτας καὶ Σκίρους πεποιῆσθαι συμμαχίαν καὶ δύναμιν συνῆχθαι μεγάλην), а εἰσβάλλω – для вторжения в чужую страну (ср. ISM I, 15. 25 sq.; IGBR I² 388. 6 cum corr.). После троекратно раз за разом повторенного оборота gen. abs. редактор псефизмы в данном месте просто обязан был перейти на личную форму сказуемого, для которого, однако, во избежание альтернативной путаницы (nomina agenta – окрестные варвары или сарматы?) он избрал субъектом самих подвергшихся опасности σώματα ἐλεύθερα, чем и продиктовано дополнение здесь глаг. κινδυνεύω, коррелирующего со стк. 10. Постоянный в подобных контекстах глаг. αἰρέω – «захватывать в плен» исследован П. Дюкреем и А. Бильман⁸⁷.

После предпринятого анализа, подкрепленного параллелями, можно, наконец, привести восстановленный текст и перевод всего документа:

Ed. princ.: *Латышев В.В.*¹ // ИАК. 1906. 18. С. 114. № 23; *он же*². К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Сб. ст. в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1913 (1914). С. 206–211; *Latyshev*³. IOSPE I² 343. P. 287 sq.

⁸³ Для abs. εἰσβάλλω без указания объекта нападения ср. *Herod.* I. 17. 3; 104. 2; IV. 3. 2 etc.; *Polyb.* V. 68. 1.

⁸⁴ На это удачно обратил наше внимание С.А. Яценко. Ситуация сложилась целиком аналогичная описанной в Протогеновском декрете (IOSPE I² 32 B. 5–6): «Перебежчики извещали, что галаты и скиры составили союз и собрали большое войско, которое, как они сообщали, явится (ἦξειν) этой зимой». На основании данной аналогии я и восстанавливаю part. fut. ἐμβαλοῦσας с финальным значением: «собиралось, готовилось».

⁸⁵ Для περίστασις в значении угрожающей ситуации см. *Виноградов Ю.Г.* // ВДИ. 1996. № 1. С. 51 и прим. 13 (со свидетельствами, включая херсонесские). По своей семантике этот термин ближе всего стоит к καιρός, который в «пессимистическом» смысле (*Robert J. et L. Fouilles d'Amuzon en Carie.* P., 1983. P. 238) выступает в неразлучной паре с тем же прил.: ἐν παντὶ καιρῶι, ἐν καιροῖς πᾶσι. В сочетании с другими глаголами риска см. IGBR I² 13. 38/39: καθόλου δὲ κατὰ πᾶσ(α)ν περίστασιν κλειρῶν... παραβάλλομενος; *Polyb.* IV. 45. 10: εἰ πᾶν ἦλθον περιστάσεως; или аналогичное ISM I. 8. 8/9: πάντα κίνδυνον ὑπομείναντες.

⁸⁶ ἐπιπίπτω буквально означает «впадать в болезненное состояние и любую иную опасность» (*Robert J. et L.* Op. cit. P. 207); ср. SEG XXVII. 513. 7–9: πολλοὺς τε τῶν πολιτῶν εἰς μεγάλας ἀρωστίας ἐμπερόντας καὶ κινδύνους τοὺς ἐσχάτους; Choix 14.15: εἰς ἐπικινδύνους ἐμπερόντας διαθέσεις.

⁸⁷ *Ducrey.* Op. cit. P. 16–20, 36–39; *Bielman.* P. 355, s. vv. Довольно примеров сочетания κινδυνεύω + inf. ἀπολέσθαι, διαφθαρεῖναι, ἀποναεῖν etc. отыскивается у LSJ. Act. этого глагола отнюдь не должен был, по утверждению Роберов (*Bull. ép.* 1973, 287), непременно означать в эллинистическом койне «сражаться, combattere»: истрийцы, например, вернувшись после гетского разгрома с женами и детьми (!) к развалинам стен родного города, снова стали подвергаться угрозе варварских набегов (Syll.³ 708 = ISM I. 54. 8/9: κινδυνεύοντων πάλιν τῶν πολειτῶν μίετᾶ γυναικῶν καὶ τέκνων). С другой стороны, наверняка осведомленные о беспоконной обстановке в окрестностях города херсонеситы, выходя за городской ворота, сознательно (act.) шли на риск.

Ср. *Ростовцев*. Сириск... С. 155 сл.; *idem*. Ἐπιφάνεια. S. 204–206; *Толстой*. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. С. 99. Прим. 1; *Соломоник*. Каменная летопись Херсонеса. С. 12. № 3. Рис. 3. (перевод и фото с эстампажа).

	Ἡρακλείδας Παρμένοντος ἐπὶ τὰς διοικήσε[ος]	(37)
	ἔων κ[αὶ νομοφύλακες Πολύστρατος Κλε[μυ]	(32)
	τᾶδα?, [Ἀπολλωνίδας? Δαμοκλεῖτος, Ἡρώδα[ς]	(32)
	[τοῦ δεῖνος] καὶ ταμίας Βάβων Ἀθανα[ίου]	(22+)
5	εἶπαν· ὅπως ἂν καλῶς ἔχη τοῖς πολίταις τὰ	(33)
	ἡερά? τὰ ποτὶ Παρθένον καὶ τὰς γενομένας	(33)
	[σωτηρίας διὰ θεὰν τὰν ἐνδεχομένηαν ὁ δᾶ-	(32)
	μιος ἀποδιδούς ἀξί]αν αὐταῖ φαίνηται χάριν	(35)
	[πρότερόν τε ἤδη πολλὰκι σωθεῖς δι' αὐτὰν	(33)
10	ἔκ τῶν μεγίστων κινδύ[νων] καὶ νῦν ἐκπεπο-	(33)
	[ρευμένων σωμάτων ἐλελυθέρων μετὰ τέκνων	(34)
	[καὶ γυναικῶν ἐπὶ συγκομιδὰν τοῦ Διονυσί-	(34)
	λου μηνὸς ἔφοδόν τε π[ο]ρησαμένων παράλο-	(32)
	[γον τῶν παροικούντων βαρβάρων καὶ δυ-	(31)
15	νάμεος εἰσβαλούσας? τὰς] Σαρματᾶν εἰς πάσα[ν]	(36)
	[περίστασιν ἐμπεσόντα? σώματα τὰ ἐ]λελυθερα	(35)
	[ἔκινδύνευσεν ἀλόντα ὑπὸ τῶν βαρβάρων(?) πρη-	(35)
	[θῆναι εἰς Σαρματίαν? κτλ.]	

2/3. Κλε... ||ς – Lat. || 4. ταμίας Βάβων Ἀθανα[ίου] – Lat. || 5. καλῶς – Lat. || 6. περὶ τὰν θεὰν Παρθένον – Lat.^{2,3} || 7. [βοηθείας] – Lat.², Rost., [δι' αὐτὰν σωτηρίας] – Rost., Lat.³ || 7/8. δᾶ[μιος ὁ Χερσονασιτᾶν] – Lat.^{2,3} || 9. [ἀποδιδούς, πρότερόν τε] – Lat.², Rost.; [ἀποδιδούς: πανδημεῖ] (?) – Lat.³, [ἀποδιδούς, καὶ πάλα] (?) – Tol. || 10. [ἐκ τῶν μεγίστων κινδύ[νων], καὶ νῦν ἐκπεπο[ρευμένων τῶν οἰκητῶρων] – Lat.^{2,3} || 12–14. [καὶ γυναικῶν ἐπὶ τὰν] κομιδὰν τοῦ Διονυσ[ίου] καὶ ἔφοδον δεινὰν (Rost.) πολιησαμένων παραλό[γως τῶν παροικούντων] βαρβάρων – Lat.³. || 15–16. τὸ ἄγαλ[μα τὰν εἰς πᾶσαιν τὰν πόλιν?] – Lat.² || 15–17 ...μα τὰν εἰς πᾶσα [ν --- ἐλελυθέρων] || ν – Lat.^{1,3}.

Перевод. Гераклид, сын Парменонта, стоящий во главе управления, и номофилаки Полистрат, сын Клемитада (?), Аполлонид (?), сын Дамоклея, Герод (сын *такого-то*), и казначей Бабон, сын Афинейя, (внесли предложение. С тем, чтобы прекрасно) были устроены у граждан (священнодействия [?] в честь) Девы, и за свое (спасение), случившееся (благодаря) принимающей на себя *заботу* (богине), народ явно (воздавал) ей (достойной) благодарностью, (и прежде уже) часто будучи ею спасаем (из величайших) опасностей, и теперь, когда (лица) свободного состояния отправились вместе с детьми (и женами для) уборки урожая (в месяц) дионисий, поскольку неожиданно устроили (набег соседние) варвары, и (готовилось вторжение [?]) полчищ сарматов, (так что ввергнутые во всяческие опасности [?]) свободные (лица) рисковали, будучи захвачены теми же самыми варварами (?), быть вывезенными на продажу (в Сарматию [?]...).

Нетрудно догадаться, «что в дальнейшем излагалось какое-то чудесное явление богини, ее божественное вмешательство (ἐπιφάνεια), результатом которого [на деле, разумеется, вследствие решительных действий херсонеситов. – Ю.В.] было чудесное спасение народа. Как вывод отсюда, предлагается создать нечто, что должно было особенным образом почтить богиню-спасительницу, богиню-предстательницу»⁸⁸, в честь которой и был издан декрет.

⁸⁸ *Ростовцев*. Сириск... С. 156.

Настало время подвести общие итоги пересмотру текста изучаемого документа:

1. Около 280 г. до н.э. сельское хозяйство в ближайшей округе Херсонеса – на Гераклейском полуострове – функционировало в обычном своем нормальном режиме, коль скоро жители города с женами и детьми, судя по всему, без охраны потянулись для сбора урожая на свои участки.

2. Напавшие на безоружных херсонесских земледельцев окрестные варвары составили собой полиэтничную группу, по всей видимости, тавров и скифов, куда явно не входили противопоставленные им сарматы.

3. Судя по тональности воссозданного контекста, вторжение сарматов правомернее расценивать не как первый, но скорее как очередной набег номадов, вряд ли преодолевших Таврический перешеек, поэтому едва ли следует увязывать его с сообщением Диодора о тотальном опустошении Скифии.

Перечисленные заключения позволяют восстановить следующий ход исторических событий. На рубеже IV–III или в самом начале III в. перешедший Танаис сарматские орды огнем и мечом прошли по степям Южной России, положив конец Великой Скифии и вытеснив большинство ее населения с исконной территории обитания в пределы Таврики и Нижнего Поднепровья, где оно вскоре консолидируется в новое образование, получившее у античных географов в ностальгической антитезе к былому величию хозяев обширной степной зоны наименование Малой Скифии (Strabo. VII. 4. 5)⁸⁹, которая лишь спустя столетие начала оформляться в государство эллинистического типа со столицей в Неаполе Скифском⁹⁰. Однако *modus agendi* и судьбы обитателей обеих частей Малой Скифии разошлись: в низовьях Днепра скифы очень скоро осели на землю, освоив ряд городищ⁹¹ и проводя миролюбивую политику по отношению к ольвийскому эллинству. Напавшими на Ольвию и опустошившими к середине III в. ее хору агрессорами явились, по всей видимости, одиночные сарматские банды – не исключено, те же тисаматы и савдараты, полстолетия спустя, как и скифы, сами искавшие в страхе перед жестокосердием галатов убежища за городскими стенами (IOSPE I² 32B. 9–11). Нельзя исключить и того, что именно их главарям, эвфемистически титулованным скептухами (A. 42/43) или даже царями⁹²,

⁸⁹ Более детальную хронологию событий помогает установить анализ этого сообщения Страбона, свидетельствующего о том, что прежде того (πρότερον), как более близкие по времени созданию «Географии» боспорские δυνάσται вступили во владение (πραεs. hist. ἔχουσι) всей Таврикой, постоянно терзаемой (πρ. κεκακωμένην) непрекращающимися войнами (этот пассаж коррелирует с указанием в VII. 4. 4 причин передачи власти Митридату последним Перисадам, который: οὐχ ὀδός τε ὦν ἀντέχειν πρὸς τοὺς βαρβάρους), небольшой ее восточной частью владели τῶν Βοσπορίων τύραννοι (как он именуется, по преимуществу, ранних Спартокидов вплоть до кончины и дивинизации Перисада I; см. *Vinogradov Ju.G. // Chiron. 1980. 10. S. 82–84*), большей же частью – до Каркинитского залива и Перекопа – скифское племя тавров, откуда следует *terminus post quem* – конец IV в. *Terminus ante quem* вытекает из излагаемого непосредственно вслед за тем рассказа о переправе оттуда (ἐνθένδε, т.е. из Тавриды и низовьев Борисфена) значительных масс жителей (τὸ πλῆθος) через Днестр и Дунай и об отвоевании ими в борьбе с фракийцами обширной территории в Добрудже, получившей то же название (προσπυρομένη) «Малой Скифии» (ср. *Strabo. VII. 5. 12*) и прделавший при этом в том же примерно ритме тот же, что и ее северопонтийская «метрополия», исторический путь: от компактного расселения к середине III в. конгломерата скифских племен до формирования ими государственного образования на рубеже III–II вв.; подробнее см. *Андрух. Ук. соч. С. 86–95*. Иными словами, анализ пассажа Страбона (VII. 4. 5), восходящего, видимо, к Эратосфену (*Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сб. ст. в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1915. С. 6–10*), на историческом фоне других источников косвенно выявляет для вытеснения скифов в Крым и северо-западную зону примерно ту же дату – рубеж IV–III вв.

⁹⁰ См. *Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 232–235*,

⁹¹ *Вязьмитина М.И. Городища Нижнего Днепра // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. С. 224*.

⁹² Ср. ольвийский декрет около середины III в., дополнение которого Бёком и Латышевым нуждается в корректировке, IOSPE I² 30. 4–6: αἱ τε κοινὰ πρόσοδοι συμπληθύνονται καὶ τὰ δῶρα λαμβάνουσιν οἱ τῆς χώρας βασιλεῖς – «не только пополняются общественные (доходы, но и получают дары) цари этой страны».

ольвиополиты платили регулярную дань. По всей вероятности, здесь повторился *mutatis mutandis* феномен начала V в.: как и тогда⁹³ усмирить, поставив под свой контроль, шайки на сей раз сарматских грабителей⁹⁴ взялись – естественно, за изрядную мзду – новые могущественные покровители, подобные Саитафарну.

Процесс седентаризации запертых в Крыму скифов, напротив, растянулся на столетие: пытаясь на первых порах хоть как-то восстановить былой военно-экономический потенциал, они усиливают уже в первой трети III в. натиск на херсонесские поселения Тарханкутского полуострова, ряд которых погибает в пожаре и более уже не восстанавливается (см. прим. 59), а затем – примерно с начала третьего десятилетия – самостоятельно ли или в союзе с таврами учащают свои набеги и на виллы Гераклейского полуострова, владельцы и обитатели которых, не в силах обороняться от усиливающегося нажима варваров, покидают свои клеры и укрываются за стенами города. Относительная стабилизация обстановки наступает тут после середины III в., когда усадьбы ближней и дальней хоры вновь возрождаются, будучи на сей раз укреплены противотаранными поясами⁹⁵. На Боспоре этот процесс разворачивался, по-видимому, еще сложнее.

Итак, в итоге критического анализа известного науке вот уже 90 лет декрета мы обрели первое документальное доказательство надежности концепции Ростовцева о гибели Великой Скифии под натиском сарматских орд и незамедлительно последовавшем резком ухудшении взаимоотношений эллинства и варварства, приведшем к обезлюдению хоры античных государств от берегов Тираса до Боспора Киммерийского. Ревизия источников эпиграфических совершенно очевидно и неизбежно должна повлечь за собой критический пересмотр памятников археологических (ср. прим. 3), который я решительно предоставляю специалистам, более искушенным в этой области⁹⁶.

Ю.Г. Виноградов

⁹³ См. Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 94; Виноградов. Политическая история... С. 91.

⁹⁴ Марченко (Третий период... С. 75), напротив, полагает, что экономически ослабленная Ольвия постоянно терроризировалась «мелкими военными отрядами местных варваров из числа оставшихся в живых после сарматского разгрома приднепровских скифов».

⁹⁵ См.: Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. I. Одесса, 1990. С. 84–89; Марченко. Третий период... С. 75.

⁹⁶ Трудно, между тем, устоять перед искушением и не бросить прощальный критический взгляд на новейшую весьма солидную работу А.В. Симоненко, посвященную специально интересующей нас проблеме: *Simonenko A.V. The Problem of the Sarmatian Penetration in the North Pontic Area According to Archaeological Data // Il Mar Nero. 1994. 1. P. 99–134.* Как следует из сопоставления ее заглавия с финальным выводом: «Thus the study of the Early Sarmatian graves in the North Pontic area demonstrates that the occupation of this region by the Sarmatian tribes did not begin before the 2nd century B.C.» (P. 119), автор не проводит существенного различия между проникновением (*penetration*) и овладением (*occupation*) новыми территориями номадами. Как и его коллеги-единомышленники, автор берет за исходную базу данных источники археологические, письменные же свидетельства, анализируемые по переводам, привлекает для подтверждения презумптивно родившейся концепции. Отсюда и проистекают такие казузные выводы, как сделанный относительно нашего ключевого свидетельства: «Текст Диодора не содержит и намек на то, что после "опустошения" и "запустения" большей части Скифии последняя перестала существовать» (P. 103). Между тем, неподвзятый читатель Диодора остается в недоумении, как могло бы продолжиться свое существование население Скифии, поголовно истребленное сарматами (ἀρδρη ἀναρροίτας)! Что же касается существа парадокса «археологического» запустения прежней Великой Скифии и путей его преодоления, то весьма резонный выход из тулика представил не так давно... сам А.В. Симоненко: «Сарматы, базируясь на кочевья Дона, вполне могли совершать нападения на античные города и сельские поселения», укрепив эту присущую большинству кочевников модель целым рядом античных и этнографических параллелей (Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991. С. 78 сл.). Придя к другому меткому наблюдению: «Отсутствие раннесарматских погребений в Крыму показывает, что он не был зоной кочевания сарматов во II–I вв. до н.э., хотя они вели здесь войну под предводительством Тасия в союзе со скифским царем Палаком в 112–110 гг. до н.э.» (P. 119), автор, удивительным образом, не

THE CHERONESIAN DECREE ON «CARRYING DIONYSOS»
IOSPE I² 343 AND THE SARMATIAN INVASION TO SCYTHIA

Yu.G. Vinogradov

One of the cardinal problems of the Russian antiquity studies in the past two decades had been the question of the time and the reason for the destruction of Great Scythia and intrinsically connected with it depopulation of the chora of the Greek states of the Hellenistic Northern Black Sea region. To replace the deep rooted conception of M.I. Rostovtzeff who considered the Sarmatians who appeared in the Don area in the early 3rd c. B.C. to be responsible for the catastrophe, three new original versions have been put forward of late: 1) Galatian, 2) ecological, 3) economic. None of them are supported by documentary evidence.

The recent revision of the Chersonesian decree IOSPE I² 343 dated on the basis of paleography and prosopography to ca. 280 B.C. undertaken by the author of the article, enabled him to introduce into V.V. Latyshev's reading and interpretation of the decree a number of important corrections, the main of them being the following: the free citizens of Chersonesus set off with their children and wives not to carry sculptures of Dionysos, but to gather in harvest on their holding in the month of Dionysos and, having suffered the piratic assault of the local barbarians, faced the grave threat of being sold as slaves to foreign land, for in the near future hordes of Sarmatians were preparing to make a regular invasion and the marble presented their name.

The historical analysis of the document made on this basis enabled the author to corroborate Rostovtzeff's conception and to reconstruct the process of the military-political destabilization simultaneously occurring in various areas of the Northern Black Sea region in the early 3rd c. B.C.

заметил полного параллелизма – только в меньших масштабах – этой ситуации феномену глобального вакуума в южнорусских степях в III–II вв. Углубившись в историю иранского номадизма, мы столкнемся с аналогичной картиной и в эпоху архаики: на обширных степных просторах Южной Украины на сегодняшний день зафиксировано не более двух десятков сравнительно бедных скифских курганов VII–VI вв., тогда как с конца VI и в V в. их число возрастает в пять раз, а в IV в. и того больше. Резонное объяснение этому феномену усматривают в том, что родовой центр ранней Скифии был расположен в Прикубанье и на Северном Кавказе, откуда номады и совершали свои рейды в степную зону (*Murzin V.Yu., Skory S.A. An Essay of Scythian History // Il Mar Nero. 1994. 1. P. 58. Fig. 8*). Оказывается, разгадка археологического вакуума в итоге уже найдена самими специалистами по скифо-сарматской археологии.